

лирическимъ восторгомъ и пѣтическимъ па-
реніемъ. И потому эта ода особенно восхи-
щала современниковъ. И дѣйствительно, она
лучше всего прочаго, написаннаго Петро-
вымъ, потому что все прочее изъ рукъ вонъ
плохо. Грубость вкуса и площадность выра-
женій составляютъ характеръ даже нѣжныхъ
его стихотвореній, въ которыхъ онъ воспе-
валъ живую жену и умершаго сына своего.
Но такова сила преданія: Каченовскій еще
въ 1813 году, когда Петрова давно уже не
было на свѣтѣ, восхвалялъ его въ своемъ
«Вѣстникѣ Европы»! Странно, что въ «Опытѣ
историческаго Словаря о российскіихъ писа-
теляхъ» Новиковъ холодно и даже насмѣш-
ливо, а потому и весьма справедливо, ото-
звался о Петровѣ: «Вообще о сочиненіяхъ
его сказать можно, что онъ напрягается итти
по слѣдамъ российскаго лирика; и хотя нѣ-
которые и называютъ уже его вторымъ Ло-
моносовымъ, но для сего сравненія надле-
житъ ожидать важнаго какого-нибудь сочи-
ненія, и послѣ того заключительно сказать,
будетъ ли онъ второй Ломоносовъ, или оста-
нется только Петровымъ и будетъ имѣть
честь слыть подражателемъ Ломоносова»
(стр. 163). Этотъ отзывъ взбѣсилъ Петрова,
и онъ отвѣтилъ сатирой на «Словарь», ко-
торая можетъ служить образцомъ его сати-
рическаго остроумія:

..... Я шлюсь на Словаря,
Въ немъ имя ты мое найдешь безъ фонаря!
Смотритко, тамо я какъ солнышко блистаю!
На самой маковкѣ Парнаса превитаю!
То правда, косна желвь тамъ сдѣлана орломъ,
Кукушка лебедемъ, ворона соколомъ;
Тамъ монастырскіе запечны лебебоки
Пожалованы все въ искусники глубоки;
Коль вѣрить Словарю, то сколько есть дворовъ,
Столь много на Руси великихъ авторовъ;
Тамъ подлой на ряду съ писцомъ стоитъ алыр-
щикъ,

.....
Съ баклагой сбитенщикъ, и водоливъ съ бадбей;
А все то авторы, все мужи имениты,
Да были до сихъ поръ оплошностью забыты:
Теперь свѣтъ умному обязанъ молодцу,
Что полну ихъ именъ составилъ памятку;
Въ дни древни, въ старину жилъ былъ де царь
Ватуто,
Онъ былъ, да жилъ, да былъ, и сказка-то вся
туто.

Такой-то въ эдакомъ писатель жилъ году;
Ни строчки на своемъ не издалъ онъ роду;
При всемъ томъ слогъ имѣлъ, повѣрьте, моло-
децкой;
Зналъ греческій языкъ, китайской и турецкой.
Тотъ умныхъ сколько-то наткалъ проповѣдей:
Да ихъ въ печати нѣтъ! О! былъ онъ грамотѣй,
Въ семь годъ цвѣлъ Ѳома, а въ эдакомъ Врема;
Какая же по немъ осталася поэма?
Слогъ пылокъ у сего и разумъ такъ летучъ,
Какъ молнія въ эфиръ сверкающа изъ тучъ.
Сей первый издалъ въ свѣтъ шутивую піесу,
По точнымъ правиламъ и хохота повѣсу.
Сей надпись начерталъ, а этотъ патерикъ;
Въ томъ разума былъ пудъ, а въ этомъ чет-
верикъ.

Тотъ истину хранилъ, чтить сердцемъ добро-
дѣтель,
Друзьямъ былъ вѣрный другъ и бѣднымъ бла-
годѣтель;
Въ великомъ тѣлѣ духъ великой же имѣлъ,
И видя смерть въ глазахъ, былъ мужественъ
и смѣлъ.
Словарникъ знаетъ все, въ комъ умъ глубоокъ,
въ комъ мелокъ,
Кто съ нимъ ватажилъ, былъ другъ ему и
братъ.
Во святцахъ тотъ его не меньше какъ Сократъ.

Костровъ прославилъ себя переводомъ
шести пѣсенъ «Иліады» шести-стопнымъ
ямбомъ. Переводъ жестокъ и дебелъ, Гомера
въ немъ нѣтъ и признаковъ; но онъ такъ
хорошо соответствовалъ тогдашнимъ поня-
тіямъ о поэзіи и Гомерѣ, что современники
не могли не признавать въ Костровѣ огром-
наго таланта.

Изъ старой до-Державинской школы поль-
зовался большой извѣстностью подражатель
Сумарокова—Майковъ. Онъ написалъ двѣ
трагедіи, сочинялъ оды, посланія, басни, въ
особенности прославился двумя такъ-назы-
ваемыми «комическими» поэмами: «Елисей,
или раздраженный Вакхъ» и «Игрокъ Лом-
бера». Гречъ, составитель послужныхъ и
литературныхъ списковъ русскихъ литера-
торовъ, находитъ въ поэмахъ Майкова «не-
обыкновенный пѣтическій даръ»; но мы,
кромѣ площадныхъ красоть и веселости
дурного тона, ничего въ нихъ не могли
найти.

Съ Державина начинается новый періодъ
русской поэзіи, и какъ Ломоносовъ былъ
первымъ ея именемъ, такъ Державинъ былъ
вторымъ. Въ лицѣ Державина поэзія рус-
ская сдѣлала великій шагъ впередъ. Мы
сказали, что въ нѣкоторыхъ стихотворныхъ
пѣсахъ Ломоносова, кромѣ замѣчательнаго
по тому времени совершенства версификаціи,
есть еще и одушевление, и чувство; но здѣсь
должны прибавить, что характеръ этого оду-
шевленія и этого чувства обнаруживается въ
Ломоносовѣ скорѣе оратора, чѣмъ поэта, и
что элементовъ художественныхъ рѣшитель-
но не замѣтно ни въ одномъ его стихотворе-
ніи. Державинъ, напротивъ, чисто художни-
ческая натура, поэтъ по призванію; произ-
веденія его преисполнены элементовъ поэ-
зіи какъ искусства, и если, несмотря на то,
общій и преобладающій характеръ его по-
эзіи—риторическій, въ этомъ виноватъ не
онъ, а его время. Въ Ломоносовѣ боролись
два призванія—поэта и ученаго, и послѣд-
нее было сильнѣе перваго; Державинъ былъ
только поэтъ, и больше ничего. Въ стихо-
твореніяхъ его уже нечего удивляться оду-
шевленію и чувству,—это не первое и не
лучшее ихъ достоинство: они запечатлѣны
уже высшимъ признакомъ искусства—про-